

Дорогие друзья!

Нас много, мы разбросаны по разным городам и сёлам (и даже странам), поэтому вести друг с другом долгие душевные разговоры о литературе не сможем. А наспех что объяснишь? Как разорвёшь на себе рубаху?

Зато мы можем читать и писать письма. Длинные и обстоятельные, как в XIX веке, – вы уж меня извините. Наберитесь чуть-чуть терпения...

ПОЧЕМУ «МИНИСТЕРСТВО»?

Недавно сборная России по футболу провалилась на Чемпионате Европы. После этого её тренер, Леонид Слуцкий, рёк такие слова: «У нас не футбольная страна».

О, думаю, точно. Она ещё и не литературная – судя по успехам на внутреннем и международном книжном рынке.

Однако вот что написал по поводу тренерского слова-воробья писатель и футбольный болельщик Дмитрий Лекух:

«У нас - просто "нефутбольное футбольное хозяйство", адски не профессиональное и плевать хотевшее на конечного потребителя, т.е. рядового болельщика, следящее за интересами "болельщика не рядового": кто платит деньги - тот и заказывает музыку».

Не секунды не сомневаюсь в том, что Дмитрий Валерьянович прав. «Литературное хозяйство» у нас совершенно нелитературное. Оно зиждется на трёх китах: выбить бюджет; освоить; отчитаться.

Надо объяснять, что значит «освоить»? Нет, не украсть, хотя почему бы и нет. «Освоить» означает израсходовать, чтобы претендовать как минимум на столько же в следующий отчётный период. О результатах работы, о её полезности речи нет – если уж бюджет выделен.

Вот провели недавно «Год литературы»: выделили бюджет, освоили, отчитались. И что, каковы результаты? Где общенациональные дискуссии по поводу литературных произведений, всколыхнувших общество? Даже слышать смешно этикие выпренные речи, не правда ли...

Только не надо утверждать, что «время изменилось» и дискуссии по поводу книжек теперь невозможны в принципе. Не изменилось. Люди готовы сходить с ума и ломать копыя по любому информационному поводу. Скандал в московской школе, ловля покемонов, оппозиционную журналистку облили на улице нечистотами...

СМИ создают дешёвые и скоротечные информационные поводы пачками. А литература – не способна создать ни одного серьёзного и долгоиграющего. Почему? Люди виноваты, что интересуются всяким вздором? А начальство, управляющее «литературным хозяйством», – не виноваты?

Чтобы литература жила, её мало писать. Мало даже читать! Надо иметь возможность обсуждать прочитанное. А у нас? Вот книгу отметили литературной премией – и что дальше? Дальше она попадает «на выкладки» – в книжных магазинах поближе к кассе. И всё. Считается, что задача выполнена. Ведь об успешности литературного произведения принято судить лишь по «цифрам продаж»...

Ещё есть библиотекари, живущие под угрозой сокращения на нищенскую зарплату. Они что-то придумывают вне «рыночных координат»: проводят читательские конференции, создают литературные клубы... Ещё есть школьные учителя, у которых организация литературных диспутов прямо-таки входит в должностные обязанности. Только начальству это непонятно и не интересно, потому что начальство у

всех разное. Литературой (писателями, издателями и продавцами книжек) управляет Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, библиотеки подчиняются Министерству культуры, а школы – Министерству образования и науки.

Представьте теперь, что вам поручено «навести порядок в литературном хозяйстве». Такой разброс компетенций составил бы для вас серьёзную организационную проблему...

Стоп-стоп, с этого места подробнее! Кем поручено? (А следующий вопрос – «какой на это выделен бюджет», и понеслось-закрутилось: аптека, улица, фонарь, аптека...)

Ну, а разве уборку в комнате надо делать только когда мама велит? Разве беспорядок сам по себе не является достаточным основанием для того, чтобы начать испытывать беспокойство и зашевелиться?

Думаю, теперь вы понимаете, почему наше с вами объединение так странно называется – «Министерство литературы». Мы не можем объединить отрасли, но можем объединить усилия. Объединить то, что есть: равнодушие, интерес, азарт. Вы участвуете в читательском клубе при библиотеке? Состоите в литературном кружке? Прекрасно. Давайте объединим кружок и клуб. Не организационно объединим (хотя – почему бы не помечтать, но потом, попозже), – сейчас важно объединить не «структуры», а устремления, мысли. «Интеллектуальные и творческие ресурсы», выражаясь высоким стилем.

Прежде, чем «выступать с законодательной инициативой», нужно «подготовить законопроект». А прежде, чем «готовить законопроект», нужно убедиться в том, что созрела общественная потребность в соответствующем законе. Вот это мы с вами и попытаемся сделать – проверить, созрела ли. Речь идёт не о перестройке существующей литературной инфраструктуры (свят-свят), а о создании вспомогательной «параллельной цепи».

Если нам удастся создать маленькую экспериментальную – но действующую – модель литературного процесса, служащего не интересам владельцев книготоргового бизнеса, а благу общества, то постучаться с конкретными предложениями во власть – не такая непредставимая задача, как может показаться. Вполне представимая и осуществимая.

То, что я сейчас написал, многих может насторожить – по двум причинам. Во-первых, нам претит участие государства в литературных делах. Во-вторых, была бы охота литератору участвовать в делах государственных, да ещё и на бескорыстной основе...

Всё это я понимаю и предлагаю пока просто подождать – посмотреть, что именно и как мы будем делать. Если это вас не устроит, значит, не будете в затае участвовать – попросите, чтобы вас отписали от рассылки, и я за этим бдительно прослежу. Ну а вдруг окажется, что всё не так страшно?

С ЧЕМ МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО?

Известно, что в отсутствие государства во всех бедах литературы виноват рынок. Вкратце российский книжный рынок устроен следующим образом. Он: а) мал; б) не развит (плохо структурирован). Это значит, что: а) книг продаётся мало и б) не развита система доведения книг на определённые темы (определённых направлений и стилей) до интересующихся именно этими определёнными темами (направлениями и стилями) потенциальных читателей.

Ну, например: есть читатели художественной литературы, которым хочется, чтобы в книжке были коровы, навоз, дымок из трубы и мужичок в стёганке – тогда литература хорошая. А есть такие, которым хочется, чтоб этажерка, фикус, звон трамвая под окном,

чай с вареньем и Розалия Павловна в кружевной шали – вот что берёт за душу. Приходят они в книжный магазин, а там сплошь Пелевин. Они говорят: «Это что – современная русская литература? Тьфу!» – и уходят из магазина в твёрдой уверенности: и жизнь, и литература – всё испортилось окончательно.

В идеале каждый такой читатель должен обслуживаться отдельно. К услугам первого – целое направление с многочисленными «оттенками» (а не один вспоминаемый раз в пять лет Борис Екимов) и к услугам второго – целое направление (а не одна, скажем, Улицкая). Но кто же эти направления отслеживает, собирает вместе их представителей – грубо говоря «создаёт»? Маркетологи? Нет, конечно. Не их это работа и не их уровень компетенции. Это работа литературных критиков.

Но критики заняты сегодня другим. Они обслуживают литературно-премиальный процесс, который, в свою очередь, обслуживает продажу книг в условиях малого и неразвитого рынка.

Чтобы продавать книги в условиях не структурированного спроса, нужно не дробить предложение, а укрупнять, объединять его. «Вот вам лауреат премии, это самое-самое, must read, читают все! А чего там тебе хочется, про шаль или про корову, это дело десятое. Не то надо читать, что хочется, а то, что все читают. Со временем в ногу надо идти».

А чтобы продавать книги в условиях вялого спроса, нужно сократить активное предложение до десяти-пятнадцати наименований в год. Покупателей мало, поэтому книг для них тоже должно быть мало. Вот премии и занимаются отсевом того, что будет назначено к продаже.

Всё это можно назвать одним ёмким словом: «реформа». Есть реформа здравоохранения, есть реформа образования, а тут реформа литературы.

Недавно прошла волна «слияний» и «укрупнений» поликлиник, роддомов и больниц. Для чего их «сливали»? Чтобы дешевле обходилось их содержание. К чему это привело? К тому, что стало труднее получить доступ к медицинским услугам. (Чтобы сделать электрокардиограмму, нужно записаться к терапевту, который выпишет направление к кардиологу, который выпишет направление на электрокардиограмму, и всё это в трёх разных «слитых» местах.)

Так и с литературой: «укрупнение» и «объединение» объективно ведёт к тому, что писателю всё труднее получить доступ к услугам издателей и книготорговцев (чтобы «продвигали» его книгу, а не просто напечатали за его счёт). В полной мере эти услуги оказываются только финалистам премий; прочие могут следовать девизу «заболел – умирай».

Обратим внимание, что литературная реформа, как и все прочие реформы социальной сферы предпринимается не затем, чтобы стало лучше, а затем, чтобы «окончательно всё не рухнуло». То есть писатели и критики, участвующие в премиальном процессе, не выстраивают никакой новой системы, они лишь латают дыры системы старой, не дают ей утонуть.

При этом никто из них особо не отдаёт себе отчёта в том, что происходит. Люди руководствуются простыми мотивами – стремятся к профессиональной успешности, а критерий этой успешности в условиях рынка прост: если пишешь о том, что продаётся, – ты существуешь. А нет так нет. Вот критики и держатся поближе к тому, что продаётся. То есть к лауреатам премий.

Дальше система срабатывает сама: влиятельных премий в стране всего штук пять; совокупными усилиями они могут представлять общественному вниманию примерно дюжину произведений в год, причём большинство лауреатских имён из года в год повторяются. В итоге вся современная русская «серьёзная» художественная литература –

это около полусотни авторов «в жёсткой ротации» – вроде популярных песенок на коммерческом радио. Большой ли рынок получится? Много ли наструктурируешь?

Книжный рынок – система литературных премий и коммерческих издательств – не может заниматься систематизацией всего того, что пишется и достойно прочтения. Литературные журналы этим не занимаются в силу скудости средств (людей не хватает) и отсутствия мотивации (не хотят они этим заниматься – мнят себя такими небесными издательствами, снимающими сливки некоммерческой «хорошей литературы», а не рабочими лошадками литпроцесса).

Конечно, поисками писателей и текстов занимаются и скауты издательств, и сотрудники премий, и литагенты, но все при этом руководствуются сверхзадачей «как бы это продать». Такая сверхзадача, сами понимаете, налагает определённый отпечаток на результат.

Ну, а имеет ли вообще право на существование то, что не продаётся?

Вопрос отнюдь не риторический – это «основной вопрос» в условиях рынка, и ответ на него давным-давно дан. Вернусь к тому, с чего начал: с точки зрения устроителей и организаторов прошедшего недавно Года литературы, литературу не читают, а покупают. Почти все мероприятия на федеральном уровне касались книготорговли. Как говорить о книгах вне этого контекста, не понимают ни чиновники, ни большинство журналистов. Критики, любящие щегольнуть модной экономической феней, подтягиваются. А читатели... Их давно и небезуспешно приучат к мысли, что они «потребители».

Может быть, так и надо, а?

Это отнюдь не шуточный вопрос. «Предположение – мать провала»; я исхожу из предположения, что это нездоровая ситуация и многих в нашем обществе она не устраивает, но так ли это на самом деле?

Выскажитесь, пожалуйста, у кого есть желание и время, – парой фраз или как угодно пространно: всё действительно разумно? Или неразумно и нуждается в исправлении? Если да, то видите ли вы рецепт?

Это будет наше второе задание. Исполнять его необязательно (Министерство литературы – дело добровольное: хочешь быть министром – будь, не хочешь – твоё место, как обычно, займут дураки и проныры), однако предупреждаю: некоторые ответы мы опубликуем в «Литературной учёбе», так что если хотите сохранить инкогнито, на всякий случай, подпишите ваш ответ псевдонимом.

Я тем временем подведу промежуточные итоги нашего анкетирования (надеюсь, к концу недели) и расскажу, что мы собираемся делать дальше. Специально беру паузу – надеюсь успеть ознакомиться хотя бы с некоторыми ответами. У меня конечно есть план, но уверен, что у кого-то из нас есть план получше. Для этого мы и собрались – чтобы советоваться.

Спасибо большое за ваше время и внимание, давайте пока прервёмся и поразмыслим.

С уважением

Лев Васильевич Пирогов,

Главный редактор журнала «Литературная учёба»

pirogov@lych.ru

<https://www.facebook.com/levpir>